

Новые сведения о Бородинском сражении

Последние 10–12 лет отмечены в нашей историографии невиданным по масштабам после 1912 г., введением в научный оборот новых иностранных источников. На этом основании у некоторых исследователей появилось ощущение, что теперь абсолютно все факты войны 1812 года досконально известны, а потому, для продвижения вперед, остается единственное средство – внедрение новых методов познания. Ни в коей мере не протестуя против новых методов, мы, тем не менее, убеждены, что нет нужды отказываться от традиционных методов познания. Мы полагаем, что изучение войны 12-го года должно продвигаться параллельно двумя путями: традиционным и новым. Это самый оптимальный вариант развития познания. Бессмысленно противопоставлять старые, проверенные веками, и новые методы – их нужно сочетать. Только тогда можно надеяться на «прорыв» в процессе познания. В качестве доказательства правомерности наших умозаключений приведем три конкретных примера.

Об участии в Бородинской баталии 111-го полка линейной пехоты, укомплектованного выходцами из Пьемонта, историки знают довольно хорошо благодаря сохранившимся рапортам командира 4-й бригады 5-й пехотной дивизии генерала Л. Лоншана и командира полка полковника Г. Жюйе, а также воспоминаниям старшего сержанта В.А. Фоссенаⁱ. Тем не менее, есть возможность детализировать и уточнить наши знания об этом сюжете благодаря недавно опубликованным мемуарам С.Л. Гардьеⁱⁱ, лейтенанта и старшего адъютанта 3-го батальона этого полкаⁱⁱⁱ. Приводим отрывок из мемуаров Гардье,

сведения которого мы попытались соотнести с показаниями других источников.

5 сентября «неприятель занимает редуты и укрепления (des retranchements) на выгодной позиции. После действий на ощупь в течение двух часов, наша дивизия получила приказ атаковать первый выдвинутый вперед редут. Король Неаполитанский, который командует этим предприятием (expédition), велел поддержать это движение дивизией легкой кавалерии на нашем правом фланге и батареей легкой артиллерии. Соединенные вольтижеры и часть 61-го [полка] атакуют редут, который защищают 8 артиллерийских орудий и массы пехоты. В этот момент мы поддерживаем это движение, составляя резерв. Однако, наша позиция, развернутая для сражения перед редутом, становилась неудобной по причине потерь, которые она нам причиняла. Одна граната упала под брюхо лошади полковника, не причинив ему ни малейшего вреда. Мы получили приказ от начальника штаба дивизии Симера вклиниться в линию русских, которая находилась перед нами между редутом и горящей деревней. Вследствие этого мы направляемся в сомкнутой колонне и наступаем с оружием в руках под градом пуль, выставив штыки, которые тотчас введены в дело передовым дивизионом^{iv}. Капитаны – командиры дивизионов не могли услышать приказов, старшие адъютанты были вынуждены вести дивизион за дивизионом в линию сражения^v. Полностью наступила ночь, когда появилась *дивизия русских кирасир, которые называли себя союзниками и которые действительно были похожи на саксонских кирасир*. Полагая, что они прибыли, чтобы атаковать неприятеля, мы спешим позволить им пройти через наши ряды. Они построились позади нас и, когда привели себя в порядок, напали на нас и изрубили всех, кто мог попасть под их удары. Поэтому мы бросаемся, насколько возможно быстро, во фруктовый сад, который

находился позади нас и напротив горящей деревни. Огонь, который мы ведем оттуда, отгоняет неприятеля; но вред, который он причинил нам, был уже слишком велик, пятнадцать офицеров и около тысячи человек и наша артиллерия, которые пустились по оврагу, доходившему до деревни, стали жертвами этой злополучной ошибки. Однако, наша смелая атака увлекла своим примером тех, кто находился перед редутом и он был взят приступом^{vi}.

Один молодой офицер^{vii}, прибывший недавно из школы, дебютант в военной профессии, вступил одним из первых в редут; он нашел молодого офицера русской артиллерии, который еще находился там и защищался сломанной саблей; он потребовал от него сдаться, но этот последний не хотел, он нанес ему удар, который полностью его обезоружил; тогда русский взял камень и хотел поразить нашего молодого человека, который не мог сломить его никаким другим способом, как убив его. Этот же офицер имел присутствие духа, чтобы тотчас повернуть орудия, которые находились в редуте.

Под полковником была убита лошадь, вместе с генералом Лоншаном они сожалели о потерях, которые понес его полк^{viii}.

Будучи дежурным, я подтверждаю спокойствие полка при разме щении постов в окружности фруктового сада. Затем я отправился узнать, сколько в действительности потеряла наша артиллерия. Я убедился в этом, найдя наших храбрых артиллеристов изрубленными за то, что они хотели защитить свои орудия. Я должен еще сказать, что нашим потерям способствовал огонь из редута и одной дивизии, прибывшей на наш левый фланг, которая, увидев нас настолько выдвинутыми вперед, приняла нас за неприятеля^{ix}.

В ту же ночь мы покинули фруктовый сад, чтобы разместиться позади редута.

б. – Мы остаемся на отдыхе, чтобы дать войскам время

присоединиться к нам. Видны русские, которые занимаются своими укреплениями. Император, проводя смотр работам, о которых он распорядился, спросил полковника, каким образом он позволил захватить свои *четыре орудия*^x. Мне было приказано следовать за ним на поле боя, чтобы разъяснить ему движения накануне и то, каким образом мы подверглись внезапному нападению. Большое число убитых, которые там находились, достаточно подтвердили то, что я ему говорил. Его Величество приказал мне сообщить генералу, командующему полком, что он забыл об этой ошибке, принимая во внимание прекрасную атаку, которая решила взятие редута. Он казался удовлетворенным моим рассказом, поскольку, расспросив меня о моей службе, велел записать мое имя генералу Мутону, которому я поехал доложить, что являюсь его земляком и который пригласил меня показаться ему, когда мы будем в Москве.

После возвращения в лагерь, полковник послал меня доставить деньги и вино раненым офицерам. К вечеру мы прошли вперед редута, где провели ночь на русской части поля боя, которая еще вся была покрыта их трупами^{xi}.

7. – Атака редутов и позиций неприятеля. Наша дивизия атакует, чтобы взять первый [редут]. Мы *заходим в лес*, который находится на нашем правом фланге и в котором на минуту останавливаемся, чтобы прочесть прокламацию (которую я не запомнил)^{xii}. После этого чтения двинулись с криком: «Vive l'Empereur!» 25-й линейный [полк] и наш 1-й батальон взяли с бою редут; 2-й батальон находится впереди на возвышенности и справа от редута, чтобы поддержать его; 3-му, в котором я являюсь старшим адъютантом, поручено поддерживать батарею артиллерии и удерживать русских стрелков, которые находятся в лесу. 4-й и 6-й батальоны находятся с полковником и генералом на позиции позади и на опушке леса^{xiii}. Русская пехота

тщетно пыталась взять обратно этот редут, который их весьма беспокоил^{xiv}.

80 орудий тяжелой артиллерии, обслуживаемые канонирами гвардии, были размещены в двух линиях около неприятельских укреплений (les retranchements). Около 9 часов русские силы показали перед первым редутом. Корпус герцога Эльхингенского прибыл поддержать войска, находящиеся там. Огонь стал более оживленным. Корпус, прибывший в наилучшем порядке и в самой прекрасной униформе, потерял много людей менее чем за три четверти часа. Атака многих дивизий русских кирасир вынудила нашу пехоту ретироваться в редут; противник, не будучи в состоянии достичь его, бросился на линию артиллерии. Здесь случился момент беспорядка вследствие этой атаки на наше правое крыло. Генерал Домон, бывший полковник 8-го гусарского, встретил свой полк, обратился с речью и встал во главе, чтобы атаковать русских. Неустрашимость, с которой сражался этот полк, повернула назад русских, которые были почти истреблены остальной легкой кавалерией, которую этот пример вернул обратно. Корпус этих кирасир, не зная, что делать, бросился на наши два батальона, которые приготовились встретить их; они подверглись нашему огню и были добиты кавалерией^{xv}.

Я взял лошадь одного кирасира, который пал перед батальоном.

Вся легкая кавалерия была послана на левый фланг, где она не могла предпринять никакой атаки, потеряв одного за другим всех генералов, которые присылались, чтобы ею командовать, находясь слишком близко от огня, чтобы уклониться от ударов. Наши кирасиры были отправлены к редуту, чтобы атаковать массы пехоты, которые угрожали взять его назад; но то же самое несчастье задержало их и уничтожило в большом числе^{xvi}.

Командование нашей армией было передано герцогу

Эльхингенскому, так как князь Экмюльский был уже легко ранен. Этот последний, желая переменить нам позицию, велел присоединить 2-й и 3-й батальоны. Я нахожусь с маршалом, который был без эскорта и желает указать мне место, которое должны занять два батальона. Я был свидетелем ярости, в которую он пришел, увидев вестфальскую армию в самом большом беспорядке убегавшей с позиции, где ей, однако, нечего было опасаться, неприятель не мог ее там беспокоить. Маршал приказал мне их воссоединить и перестроить, что я постарался бы сделать в отношении солдат, но я заметил маршалу, что, будучи в звании ниже большинства офицеров, я не смогу воздействовать также на них; но маршал ответил мне, что он мне это приказал и что один храбрец может призвать к порядку своего начальника, который отстранился. Я осознал, что никогда не был более горд за мою нацию, чем когда маршал, чтобы восстановить подавленное мужество этих союзников, приказал им брать пример с французской армии и быть более достойными сражаться в ее рядах.

Я стал разыскивать *те два батальона, командование которыми направился принять полковник*, и проводить их на место, которое было мне указано. Непрерывно теряя множество людей, не имея возможности беспокоить противника, полковник послал меня просить приказа у *генерала Лоншана, который приблизился с теми двумя батальонами*. Я вернулся сказать, что он должен с помощью стрелков произвести разведку позиции войск, которые нас беспокоили. Эта рекогносцировка была проведена одной ротой вольтижеров, уничтожила в одну минуту огонь русских, помещенных в засаду, но они тотчас вернулись в еще большем количестве. Был послан целый батальон, чтобы ее поддержать; поскольку я единственным из старших адъютантов находился на коне, полковник надеялся сохранить меня возле себя, чтобы доставлять его приказы; но, опасаясь, что станут

говорить, будто я искал возможности уклониться от опасных пунктов, я настоял, чтобы присоединиться к своему батальону, который уже ушел вперед. Желая разместить его таким образом, чтобы избежать внезапного нападения, будучи постоянно в лесу, я во время этого дела был поражен пулей, которая перебила мне нижнюю часть левой ноги; причиненная ею боль вырвала из меня ужасный крик.

Меня отнесли к полковнику»^{xvii}.

В мемуарах Гардье интересны следующие сюжеты. Во время вечернего боя у Шевардино офицеры русских кирасир, среди которых было немало лиц немецкого происхождения, применили хитрость, чтобы ввести противника в заблуждение. Об этом писали и другие мемуаристы Великой армии, как и о том, что русских кирасир принимали за саксонцев из-за сходства униформы. Гардье точно указал, что 111-й потерял *все 4 полковых орудия*, и мы полагаем, что в этом нет оснований сомневаться, поскольку на другой день он докладывал об этом самому императору, а такое не забывается. Он более детально, чем прочие источники, описал действия полка в начале сражения 7 сентября. Гардье отметил, что в начале сражения гвардейская артиллерия была выстроена в две линии, и это является одним из аргументов нашей гипотезы, что помимо 24-х орудий, стоявших на «батарее Сорбье», под командой последнего находились также «все гаубицы гвардии», числом 40 (см. ниже).

* * *

Бородинское сражение уже изучено, казалось бы, досконально, но есть еще «белые пятна» или «черные дыры» на историческом полотне великой баталии, причем не где-нибудь по краям поля боя, где «резкость объектива» у историков обычно «сбивается», а в самом его эпицентре. Мы имеем в виду знаменитый эпизод, когда лейб-гвардии Измайловский и Литовский полки героически отбили атаки

неприятельских кирасир. Этот сюжет запечатлен на полотнах А. Коцебу (сер. XIX в.) и И. Самокиша (1912 г.), хромолитографиях А. Сафонова (1902 г.) и Н. Богатова (1912 г.) и на знаменитой панораме Ф. Рубо.

Каков же первоисточник наших сведений об этом подвиге? Командир Литовского полка полковник И.Ф. Удом 1-й в рапорте генералу Н.И. Лаврову от 31 августа/12 сентября сообщил: «Неприятель осыпал нас ядрами и картечами и выслал на полк *кавалерию* в атаку. Все три батальона мною к сему построены были в кареи против *кавалерии*, бив окружены многочисленным неприятелем, приняли оного храбро и мужественно, и, подпустя на дистанцию, выстрелив прежде батальным огнем, закричав ура, расстроили и прогнали неприятеля до самой высоты... Неприятель, собравшись на той же высоте, *вторично сделал нападение* на полк, но с таким же мужеством получил отпор, отретировался вправо». После этого Удом был ранен и сдал командование подполковнику А.Е. Шварцу.

1/13 сентября рапорт Лаврову подал командующий Измайловским полком полковник А.П. Кутузов. По его словам, по прибытии на место полковник М.Е. Храповицкий построил колонны ан-эшикье. «Вскоре показавшаяся *от нас вправо неприятельская кавалерия*» побудила его построить все 3 батальона в «кареи противу кавалерии. *Неприятельские кирасиры* не замедлили с чрезвычайным стремлением броситься в атаку, но за дерзость свою дорого заплатили; все кареи... открыли с фасов, к неприятелю обращенных, батальный огонь; *латы их* им были слабой защитой... Свежая кавалерия, состоящая из *конных гренадер*, покусилась было поправить неудачу первой атаки, но бив принята таким же образом, так же опрокинута». Около 12 час. Храповицкий был ранен *картечью*, а незадолго до того был ранен также *картечью* командующий полком полковник И.Т.

Козлянинов. Затем «неприятельская конница еще раз возобновила свое нападение, но перекрестным огнем сих двух баталионов [1-го и 2-го] была истреблена и рассеена». Причем, «во время последней кавалерийской атаки в каре 1-го баталиона» укрывался Д.С. Дохтуров. Заметим, что, по словам Кутузова, Дохтуров находился при полку «с двух часов пополудни». Итак, Кутузов насчитал *три кавалерийские атаки, из которых только в первой упоминаются кирасиры*. Под «конными гренадерами» здесь почти наверняка следует понимать шволежеров, новый род легкой кавалерии, сформированный перед войной, каковых русские гвардейцы, вероятно, еще не видели. Судя по контексту, первая атака произошла в момент, когда расстроенные войска 2-й армии отступали за овраг, то есть в 11-м часу, а вскоре за ней последовала и вторая. Что за конница атаковала после полудня в третий раз – неизвестно.

Затем сведения из этих двух донесений попали в рапорт П.П. Коновницына. Он сообщил, что «*три большие кавалерийские атаки неприятельских кирасир и конных гренадер на оба полка сии отражены были с невероятным успехом*». Судя по контексту, происходило это между 13 и 16 час. и все три атаки провели кирасиры. Позднее эти данные попали в наградные документы, в которых говорилось, что каждый из полков «выдержал *сильнейшие три неприятельской кавалерии атаки*, обращая неприятеля при всяком разе в беспорядок с большою потерею». При этом выясняется, что перечисленные тут же офицеры были ранены «в ногу *ядром*», «в левую руку *картечью*», «*картечью в левую руку*», «*пулею в ногу*», «в левую *ногу*», «*картечью в ногу*», «*пулею в грудь*», или получили контузии в грудь, в ногу, в голову^{xviii}. Об ударах саблями или пиками не упоминается, а все названные ранения не характерны для кавалерийских атак.

Итак, родоначальником данной версии стал полковник Кутузов,

ее подкрепил своим авторитетом Коновницын, написавший главнокомандующему, что эти полки «покрыли себя в виду всей армии неоспоримую славою». «Твердость рядов их не могли расторгнуть не шестичасный град картечей, коими они были осыпаны, ни три отчаянные кавалерийские атаки, лутчих неприятельских полков, дорого заплативших [за] тщетные свои покушения». Слава гвардейцев, безусловно, неоспорима, но тем ли способом была она добыта, какой указан в рапортах? Дело в том, что до недавнего времени было не совсем ясно, что за кавалерия атаковала гвардейские каре. В.Н. Земцов заметил: «То, что согласно русским источникам и литературе, гвардейская бригада полковника М.Е. Храповицкого героически отразила несколько бешеных атак кавалерии Нансути и даже сама перешла в атаку (!), нашло во французских материалах только слабые отклики»^{xix}.

Традиционно считается, что эти атаки вели кирасиры 1-го кавалерийского корпуса генерала Э.М. Нансути, ибо, согласно диспозиции, он должен был следовать за движением группировки маршала Л.Н. Даву, а прочие корпуса кавалерийского резерва действовали севернее д. Семеновское.

Согласно рапорту маршала Ж. Мюра от 9 сентября, после захвата Семеновских «флешей» «весь 1-й кавалерийский корпус получил приказ разместиться позади тех же самых редутов», а 4-й кавалерийский корпус – помочь пехоте захватить д. Семеновское. «В течение этого времени, – пишет Мюра, – генерал Нансути во главе 1-й дивизии кирасир под командой генерала Сен-Жермена мощно атаковал все то, что находилось *справа от этих двух редутов*, и вымел равнину *вплоть до оврага у деревни*». Среди отличившихся частей король упомянул дивизию Сен-Жермена, среди отличившихся и раненых генералов – Нансути [ружейной пулей в колено], Кено [ядром в правое

бедро], Бессьера [пулей в левое плечо]^{xx}. Итак, Мюра отметил участие в сражении 1-й кирасирской дивизии, но в рапорте нет ни слова о том, что она атаковала русскую пехоту за оврагом.

Старший вахмистр 2-го кирасирского полка 1-й кирасирской дивизии О. Тирион в своих несколько сумбурных мемуарах вспоминал, как все 15 кирасирских полков во главе с Мюра понеслись в атаку. «Ничто не устояло, все было опрокинуто, пройдено и взято (т.е. *только до оврага*)». «Мы продолжали нашу атаку, – пишет он, – на равнине вплоть до артиллерии, поддерживаемой *русскими кирасирами и драгунами*. Доскакав до них, мы были поражены их неподвижностью, не понимая, почему неприятельская кавалерия не вынеслась перед своей артиллерией для ее защиты и для встречи нашей конницы; только очутившись в 100–110 шагах от русской артиллерии, мы поняли, в чем дело. Ибо причина стала ясна – это условия местности, что не могло быть нами принято в соображение... *Овраг находился теперь перед линией русского расположения, играя роль рва и вала, которые и помешали нам атаковать эту линию*. Доказывая наше желание видеть русскую армию поближе, мы спустились в овраг с целью выскочить на противоположный берег, но дно оврага оказалось болотистым, передовые лошади в нем завязли, и нам волей-неволей пришлось вернуться обратно и стать в боевом порядке фронтом к неприятелю, по сию сторону оврага и на краю его... Долго простояли мы здесь, ожидая пехоты. Наконец подошла вестфальская дивизия... Нас отодвинули назад, чтобы вывести из сферы ружейного огня».^{xxi}

Как видим, об атаках на русскую пехоту за оврагом Тирион не упоминает. Более того, капитан 9-го кирасирского полка этой дивизии^{xxii} написал в январе 1813 г., что «7 сентября полк не участвовал в атаке (*n'a pas fait de charge*), но постоянно оставался под ядрами, гранатами и пулями»^{xxiii}. Старший сержант В.А. Фоссен вспоминал, что когда

солдаты 111-го линейного полка добрались до окраины Утицкого леса, «неожиданно рядом с нашим левым флангом проскакала дивизия кирасир, генерал во главе их кромко крикнул: “Cuirassier en avant, sabre a la main chargeons l’ennemie! (Кирасиры, вперед! Сабли вон, атакуйте неприятеля!)”»^{xxiv}. Но это свидетельство лишь подтверждает, что французские кирасиры атаковали русских севернее Утицкого леса. Итак, данные французских мемуаристов, действительно, не стыкуются с показаниями русских участников сражения.

Обратимся теперь к сведениям о потерях кирасир 1-го корпуса, приводимым Ф. Уртулем.

1-я кирасирская дивизия: *2-й полк* потерял 1 офицера убитым и 7 ранеными, *3-й полк* соответственно 1 и 14, *9-й полк*: 4 офицера и 10 рядовых убито, 1 офицер взят в плен и 9 ранено; два слабых эскадрона 1-го шволежерского полка имели 2 раненых офицеров. Всего в дивизии 7 офицеров были убиты и 37 ранены. В таком случае, потери личного состава могли составить около 500 чел., что весьма много для дивизии, насчитывавшей 2 сентября 977 кавалеристов!

5-я кирасирская дивизия: *6-й полк* потерял 1 офицера и 22 солдата убитым, 2 офицеров и 26 солдат ранеными. «Таким образом, кажется, что этот полк главным образом обеспечивал прикрытие артиллерии (2-й роты 5-го конно-артиллерийского полка)», – заключил Уртуль. В *11-м кирасирском* 1 офицер был ранен, под шестью были убиты лошади. «Таким образом, невероятно, чтобы этот полк атаковал, он оставался в прикрытии», – пишет Уртуль. В *12-м кирасирском* 1 офицер был убит и 6 ранены, «у трех из которых лошади были убиты ядрами; все ранения были вызваны ядрами или осколками снарядов. Следовательно, полк, вероятно, также оставался в прикрытии». В единственном эскадроне 5-го шволежерского полка были ранены 2 офицера. Всего в дивизии было убито 2 офицера и 11 ранены. «Таким

образом, дивизия, вероятно, была оставлена в прикрытии», – резонно заключил Уртуль^{xxv}. Действительно, 5-я дивизия потеряла в трое меньше офицеров, чем 1-я. Командир 6-го кирасирского полка полковник Ж.Б. Мартен в записках лаконично отметил: «Сражение у Москвы-реки, мой полк потерял 85 лошадей, 22 кирасира убиты и 28 ранены, в том числе два офицера»^{xxvi}. Это заставляет нас согласиться с выводом Уртуля – 5-я кирасирская дивизия в атаках не участвовала, тем более, что о ней не упоминается и в рапорте Мюра.

Ключь к ответу дает недавно опубликованный рапорт генерала И.Д. Панчулидзева от 5/12 сентября, к которому приложен список отличившихся в сражении офицеров. Отсюда мы узнаем, что по повелению генерала «Дохтурова поставлены первый и четвертый эскадроны [майора С.К. Мусина-Пушкина] с двумя эскадронами Киевского драгунского полка господином генерал-адъютантом графом Сен-При за пехотными колоннами. Но в ту же минуту кирасирский неприятельский полк под командою генерала Нансути бросился на пехотную нашу колонну. Тогда генерал-майор Панчулидзев 1-й стремлением повел оными четырьмя эскадронами на неприятеля атаку; сильным ударом опрокинули оногo и тем спасли пешую нашу колонну. Потом, поддерживаемы будучи кирасирскими полками, совершенно истребили неприятеля, так что генерал Нансути будучи ранен из пистолета, не более как с 30-ю человеками спасся бегством. Потом, когда и другой неприятельский кирасирский полк бросился на наши пешие колонны, тогда вторично Черниговского драгунского полка два эскадрона вместе с Екатеринославским кирасирским полком, ударив на неприятеля, почти совершенно истребили оногo; и взято в плен обер-офицер один, латников тринадцать человек». Панчулидзев пишет, что бригадный адъютант штабс-капитан К.Ф. Лазич, «видя меня обороняющегoся от одного офицера и двух кирасир, не только отвел

нанесенной мне на голову смертельной удар, но и ранил сильно *неприятельского офицера, который и сдался пленным*». Шефский адъютант штабс-капитан П.И. Микулин 1-й «догнал бросившегося на господина генерала от инфантерии Дохтурова *неприятельского кирасира*, не только одного остановил, но и воткнул ему весь палаш в шею и поверг на землю мертвого»^{xxvii}.

Из этого документа видно, что атаки кирасир начались около 11 часов, когда уже прибыл Дохтуров и еще не уехал Э.Ф. Сен-При, то есть в то время, когда русские выстраивались на новой позиции за Семеновским оврагом, а гвардейцы еще не успели из колонн перестроиться в каре. Во время второй атаки Панчулидзеv сам отбивался от кирасир и был взят в плен один офицер. По французским данным, в дивизии Сен-Жермена в плен попал один офицер из 9-го кирасирского полка. Если быть буквалистом, то из этого документа видно, что кирасиры дважды бросались в атаку на пехоту, причем *каждый раз по одному полку, и отбивала их не только русская пехота, но и кавалерия*. Из расчета по 700 чел. в батальоне, каждый из двух гвардейских полков насчитывал более 2 тыс. чел. Если еще учесть, что кирасирские полки 1-й дивизии имели тогда примерно по 275 чел., а шволежеры насчитывали 150 чел., то можно представить себе силу и эффективность каждой такой атаки, тем более после преодоления болотистого оврага.

Таким образом, внимательный и объективный анализ источников позволяет уточнять и несколько «приземлять» показания иных очевидцев. Конечно, такие уточнения не изменят принципиально картину сражения, но они позволят более детально прописать ее «до мелочей» и предохранят историков от отпрометчивых и неверных умозаключений. Ясно, что для уточнения этих деталей нужно просмотреть наградные документы офицеров Екатеринославского

кирасирского, Киевского и Черниговского драгунских полков, а также полков французской 1-й кирасирской дивизии.

* * *

Опубликованный недавно отрывок из мемуаров генерала Ж.М. Пернети о Бородинском сражении^{xxviii} позволил обратиться к давно интересовавшему нас вопросу об исходном расположении французской артиллерии напротив Семеновских «флешей». В литературе обычно пишут, что в ночь с 6 на 7 сентября здесь были возведены две позиционные батареи генералов Л.Ф. Фуше и Ж.Б. Сорбье, а также подвижная батарея генерала Пернети. Но нам представляется, что ситуация не столь проста и очевидна. Для уточнения деталей обратимся к приказам, отданным Наполеоном 6 сентября.

В диспозиции к генеральному сражению император писал: «На рассвете *две новые батареи*, построенные в течение ночи на плато князя Экмюльского, начнут свой огонь *против двух противостоящих неприятельских батарей*».

В тот же момент генерал Пернети, командующий артиллерией 1-го корпуса, *с тридцатью орудиями*, которые будут в дивизии Компана, *и всеми гаубицами (obusiers) дивизий Дессэ и Фриана, которые пройдут вперед*, откроет огонь и гаубицами сокрушит неприятельскую батарею, против которой будет, таким образом:

24 орудия (pièces) гвардии

30 орудий дивизии Компана

и 8 орудий дивизий Фриана и Дессэ

всего 62 орудия (bouches à feu)

Генерал Фуше, командующий артиллерией 3-го корпуса, расположится *со всеми гаубицами* 3-го и 8-го корпусов, *числом шестнадцать*, вокруг (autour) батареи, которая бьет по левому редуту, что составит *сорок орудий* против этой батареи.

Генерал Сорбье будет готов по первому приказу отделиться *со всеми гаубицами (obusiers) гвардии*, чтобы направиться к тому или другому редуту».

В 5 часов вечера Наполеон направил приказ командующему артиллерией Великой армии генералу Ж.А. Ларибуасьеру. Ему предписывалось: «Вместе с генералом Шаслу вы возведете этой ночью *две батареи, способные вместить каждая по двадцать четыре орудия (bouches à feu)*; вы разместите эти две батареи напротив редутов, которые неприятель построил напротив позиции князя Экмюльского, на плато, где вчера имела место атака. В три часа утра *7-го шестнадцать пушек (pièces) резервной батареи 3-го корпуса и восемь гаубиц (obusiers) артиллерии* будут на огневой позиции на левой батарее (*seront en batterie à la batterie de gauche*), ближе к деревне, занимаемой неприятелем. В тот же час *двадцать четыре пушки (bouches à feu) резерва гвардии* будут на огневой позиции на правой батарее (*seront en batterie à la batterie de droite*), которая находится более далеко от деревни».

Исходя из диспозиции императора Даву продиктовла приказ начальнику своего штаба генералу Ж.Л. Ромёфу: «По приказу императора, 7-го в 5 часов утра дивизия Компана выстроится побригадно у леса по ту сторону редута, взятого 5-го, *имея перед собой 16 пушек резервной батареи 1-го корпуса и 14 пушек, принадлежащих этой дивизии; они образуют батарею в 30 орудий*. Дивизия Дессэ будет размещена в том же часу таким же образом между редутом, взятым 5-го и лесом, *имея свои 14 дивизионных (de ligne) орудий на своем левом фланге*. Дивизия Фриана построится таким же образом и в тот же час, то есть побригадно, и расположится на высоте редута». ^{xxix}

Из этих приказов можно заключить следующее.

Наполеон приказал построить для противодействия *двум*

люнетам (третьего укрепления – флеша – французы еще не видели) две стационарные батареи по 24 орудия. На левой (северной) батарее размещались 16 12-фунтовых пушек и 8 гаубиц 3-го и 8-го корпусов, на правой (южной) – орудия гвардейского резерва. Все эти орудия располагались за укреплениями (брустверами), спешно «возведенными из фашинов и корзин с песком».

Вокруг северного укрепления генерал Фуше расположил еще 16 гаубиц, так что по северному русскому люнету действовали 40 орудий (в том числе 8 вюртембергских гаубиц и 12-фунтовых пушек подполковника фон Бартруффа).

Северная батарея имеет больше оснований именоваться батареей Фуше, нежели южная – батареей Сорбье, поскольку последний имел в непосредственном подчинении не (только) стоявшие там 24 гвардейские пушки (в гвардии было именно столько 12-фунтовых пушек), но (и) «все гаубицы гвардии» (их было 40), готовые выдвинуться против одного из двух русских люнетов. Следовательно, батарею Сорбье (гаубицы гвардии) следует считать «мобильной», хотя она вполне могла располагаться позади южной позиционной батареи.

Батарея Пернети являлась «мобильной» и потому не предусматривалось возводить для нее укрепления. Но генерал пишет, что *«взятые как из парка, так и из дивизий, тридцать пушек двенадцатого калибра или гаубиц... были размещены за бруствером, возведенным наспех в течение ночи, поскольку было важно хотя бы немного нас защитить от навесного огня редутов»*. В то же время Пернети пишет, что 5-я и 4-я дивизии наступали вместе со своей *дивизионной артиллерией*.

Из приказа Ромёфа видно, что в батарею из 30 орудий (Пернети) включались 14 пушек 5-й дивизии (дивизионная артиллерия шефа батальона Н.Ж. Кли) и 16 пушек корпусного резерва (полковника Д.

Бода). По числу это соответствует тому, что требовал император, но получается нестыковка с гаубицами 4-й дивизии. Согласно приказу Ромёфа, все 14 дивизионных орудий должны были находиться при ней. Пернети упоминает, что гаубицы 2-й дивизии находились при нем, как и 6 орудий 1-й дивизии (видимо, 7-я рота 1-го конно-артиллерийского полка). Полагаем, что гаубицы 4-й дивизии были заменены маршалом Даву на батарею из 1-й дивизии, чтобы не ослаблять артиллерию идущей в первую атаку дивизии Дессэ. Не ясно и то, где эти 10 орудий находились. Из диспозиции Наполеона можно заключить, что «все гаубицы 2-й и 4-й дивизий» должны были «продвинуться вперед», но не ясно относительно чего: своих дивизий, или батареи Пернети; вероятнее первое. Рискнем предположить, что эту «мобильную батарею» возглавил командующий артиллерией 1-й и 2-й дивизий генерал Б. Балтю де Пуйи, и именно для ее прикрытия был выделен испанский полк «Жозеф Наполеон» из 2-й дивизии,^{xxx} тогда как «батарею гвардии» прикрывали два батальона 85-го линейного полка, а батарею Пернети, видимо, поддерживал 3-й батальон 111-го полка, что можно заключить из вышеприведенного рассказа Гардье, а также из упоминания Фоссеном укреплений, спешно «возведенных из фашии и корзин с песком».

На известной карте Пресса, Шеврие и Реньо под литерой «В» изображены два французских укрепления, под названием «ретраншементы для пехоты», причем южное было возведено еще русскими войсками на кромке Утицкого леса в виде «ретраншемента для пехоты, вооруженного четырьмя пушками». Южное укрепление находилось в 380 м от оврага Каменского ручья, так что за ним находились 24 гвардейских орудия «батареи Сорбье», ибо, по словам Пернети, его «тридцать орудий были расположены *около оврага*», а пушки Сорбье находились *слева и позади них за укреплением*. Видимо,

первоначально они стреляли поверх орудий Пернети, чем и «беспокоили его канониров». Никаких следов укреплений, спешно сооруженных перед батареей Пернети на упомянутой карте нет. Видимо, они были весьма непрочными и были «сравнены с землей» еще в ходе сражения массами проходивших по этому месту войск.

В итоге получается, что напротив Багратионовых «флешей» изначально находились две стационарные батареи по 24 орудия, и три мобильные: Пернети (30 орудий), Балтю (10 орудий), Сорбье (40 гаубиц гвардии), причем исходная позиция двух последних в точности не известна. Помочь разобраться в этом вопросе могли бы новые источники, в частности мемуары адъютанта Пернети капитана Море (Moret), дослужившегося до звания подполковника в 1830 г. и вышедшего в отставку в 1837 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ *Ternaux-Compans N.D.* Le général Compans. Paris. 1912. P. 354–359; *Tagebuch des Lieutenants Anton Vossen, vornehmlich über den Krieg in Russland 1812.* Marburg. 1892; Воспоминания *поручика* Фоссена // РА. 1903. № 11.

ⁱⁱ Симон-Луи Гардье (1787, Страсбург – 4.08.1864, Брансьон) поступил на службу 28 апреля 1803 г. волонтером в 50-й полк линейной пехоты, там был произведен в капралы и каптенармусы. Он проделал кампании в Ханновере и Голландии. В этом полку шефом батальона служил его будущий тесть Г. Жюйе. 1 октября 1805 г. Гардье был переведен в 8-й линейный полк, где дослужился до старшего сержанта; он храбро сражался под Гюнцбургом, при переправе через Дунай, а также при взятии редутов и крепостных стен Ульма. Несколько дней спустя при атаке форта Шарниц в Тироле 4 ноября Гардье был ранен осколком скалы, которую осажденные скатили на него; подобным образом тут же был контужен в левую ногу Жюйе. 3 мая 1806 г. Жюйе был назначен майором 8-го полка. 27 октября 1808 г. Гардье был произведен в су-лейтенанты. В Испании он командовал вольтижерами, повсюду отличался отвагой и хладнокровием, и был ранен пулей в правую ногу. 11 июля 1811 г. он был произведен в лейтенанты. Затем он был переведен в 111-й линейный полк, где стал капитаном и старшим адъютантом 3-го батальона. В Бородинском сражении он был ранен пулей, перебившей ему левую ногу. Командиры рекомендовали его к награждению орденом Почетного легиона, но Гардье награды не получил. В феврале 1813 г. он был отправлен в полковое депо. В 1814 г. при блокаде Тионвилля Гардье получил два сабельных удара от вестфальских гусар. В 1815 г. в звании капитана он был призван в ряды 3-го полка стрелков Молодой гвардии. За отважное поведение в ходе кампании он вновь был представлен к ордену Почетного легиона, но Временное, а затем и королевское

правительство не утвердили этого назначения. В 1830 г. он был назначен сборщиком налогов в Брансьоне (*Les Fastes de la Gloire ou les Braves recommandés à la postérité; monument élevé aux défenseurs de la Patrie*. Т. 5. Paris. P. 152–158).

ⁱⁱⁱ *Gardier L. Un journal de la campagne de Russie en 1812*. Paris. 1999. P. 44–51.

^{iv} Назначено так же дивизиону из двух соединенных взводов идти по фронту (Прим. автора).

^v По словам лейтенанта Дамплу, «суматоха была такой, что никакого голоса не было слышно. Невозможно было и отдать приказы жестами». «Около 4 часов вечера, – пишет Фоссен, – корпус Даву выстроился рядом с дорогой вдоль Колочи, 2-я бригада дивизии Компана, 111-й и 108-й полки, получила приказ переправиться через Колочу; на ее правом берегу находился холм, хотя не укрепленный, но прочно занятый русскими орудиями. Вблизи от него также виднелась неприятельская пехота и артиллерия. Наша бригада двинулась вперед в сомкнутой колонне. Затем противник начал стрелять из орудий, мы развернулись, начался ружейный огонь и таким образом вскоре произошло смертоносное сражение. Холм уже был наполовину обойден, когда наши вольтижеры взяли его приступом и отобрали неприятельские орудия. В это время бригада двинулась через овраг, справа от холма и слева от горящей деревни. Когда мы теперь как раз догоняли отступающего противника, тот остановился, повернулся и тотчас начал стрельбу рядами. Тут храбрый шеф батальона Ришри выскочил перед фронтом первого батальона и скомандовал: “*Grenadiers en avant, croisez les Bayonets* (Гренадеры вперед, скрестить штыки!)”» (*Carnet du lieutenant Damploux // Journal “le Matin”*. 28 octobre 1912; Vossen. 3–4).

^{vi} «Вскоре взводы первого батальона, – пишет Фоссен, – настолько близко подошли к неприятелю, что некоторые гренадеры уже стали действовать штыками, когда неожиданно на нашем правом крыле выдвинулся скрывавшийся в зарослях неприятельский *кирасирский полк*, одновременно наши вольтижеры, ведущие справа стрелковый огонь, были обойдены неприятельскими *кирасирами*. Наш полковник скомандовал: “*Regiment, formez le Carre* (Полк, строй каре!)”, но было слишком поздно; когда теперь полковник скомандовал: “*Regiment en retraite* (Полк, отступить)”, *кирасиры* бросились через голову первого батальона, проломили каре, которое было сформировано в спешке, порубили всех, кого смогли достать. Другие батальоны при отступлении пришли в большой беспорядок, прочие оставшиеся могли быть благодарны своим спасением только лежавшей на нашем левом фланге деревне, которая догорала в тот момент, когда мы к ней приблизились». «Один из полков Даву, – пишет Ф. Сегюр, – отыскивая свое место в первой линии, заблудился в темноте и прошел дальше, в самую середину *русских кирасир*, которые напали на него и обратили в бегство, отняли *три пушки*, взяли в плен и убили до трехсот человек. Остаток сомкнулся в бесформенную массу, оцетинившуюся штыками и окруженную огнем. Неприятель уже не мог проникнуть дальше в эту массу, и ослабленное войско вернулось на свое место в боевом строю» (Vossen. 4).

^{vii} Лассейн (Lasseine) из Бордо, который был рекомендован полковнику (Прим. автора).

^{viii} В тот день 111-й полк потерял убитыми 4 офицеров и 82 солдата, ранеными 15 офицеров и 540 солдат, пленными 33 солдата, заблудившимися 138 чел. Под полковником и майором были убиты лошади. Из 4-х погибших офицеров трое умерли вследствие полученных ранений (*Ternaux-Compans*. 356, 359; *Martinien A. Tableaux par corps et par les batailles des officiers tués et blessés pendant les guerres de*

l'Empire. Paris. 1899. P. 332; *Cappello G.* Gli italiani in Russia nel 1812. Citta di Castello. 1912. P. 151).

^{ix} «Между тем стемнело, – пишет Фоссен, – раздавались призывы к солдатам: “111-й сюда”, другие кричали: “108-й сюда”. Когда мы теперь постепенно таким образом собрались, стоявший вблизи от нас *французский пехотный полк* взялся за оружие. Ошибочно полагая, что мы являемся русскими, они стали стрелять в нас, тогда храбрый старший адъютант Ристон получил приказ спешно поскакать туда, чтобы сообщить, что выстроенные рядом с деревней войска являются нашими. Ристон столь же счастливо, сколь и отважно помчался галопом навстречу граду пуль и вскоре заставил эти войска замолчать. В этой несчастной стычке наш полк потерял до 300 убитых, среди них один шеф батальона со своим старшим адъютантом и 12 субалтерн-офицеров, вся полковая артиллерия с личным составом и обозом была потеряна, лишь некоторые из пешего личного состава еще смогли спастись». Унтер-офицер испанского полка Э. Лопес вспоминал, что после того как редут был взят «генерал Фриан приказал полковнику [полка] “Жозеф Наполеон” де Чуди разместиться со своими двумя батальонами между этим редутом и деревней, которая горела на небольшом расстоянии от нашего левого фланга, чтобы прикрыть дивизию. Едва эти два батальона оказались таким образом устроенными в каре, как 111-й линейный [полк], который был развернут по ту сторону деревни, на небольшом расстоянии от первой линии неприятеля, был атакован и разорван русской кавалерией, которая, преследуя беглецов, была завлечена на наше каре выстрелами наших вольтижеров и, так как темнота помешала ей увидеть нас, она получила в упор огонь двух фасов. Тогда слышались несколько голосов, которые говорили: “Не стреляйте, не стреляйте, мы французы”, но ружейная стрельба по-прежнему продолжалась, эта кавалерия, приближение которой мы видели в отблесках огня, ретировалась галопом, оставив на месте множество убитых». Сам Ж. Чуди описал этот бой так: «В тот день около 7 часов вечера полковник полка получил от генерала Фриана приказ направиться со своими двумя батальонами к деревне, которая горела слева от захваченного редута, чтобы прикрыть справа 2-ю дивизию и занять значительное пространство территории, которое находилось между редутом и деревней, и через которое неприятель мог бы пройти незамеченным и потревожить ее бивуак. Два батальона прибыли в тот момент, когда 111-й линейный, который находился в боевом порядке впереди деревни, был атакован неприятельской кавалерией, разбит и *потерял часть своей артиллерии*. Полковник образовал каре из своих двух батальонов (которые к этому времени сократились до 400 комбатантов), замаскировал частично последними домами горящей деревни и, решив, что позиция является выгодной для встречи неприятеля, послал заманить его роту вольтижеров, которая получила приказ заманить его, ретируясь к горящей деревне до высоты каре. Случилось то, что предвидел полковник: противник, полагая, что преследует горсть стрелков, очутился перед каре, не заметив его, и получил в упор огонь двух фасов. Эта кавалерия ретировалась в беспорядке, оставив перед фронтом каре 10 убитых, среди которых командир, который ею командовал, и, должно быть, имела большое число раненых людей и лошадей; батальоны не потеряли ни одного человека, а неприятель не делал движений в течение ночи». Сегюр пишет, что “упорство одного испанского полка в особенности повлияло на неприятеля и заставило его уступить” (*Vossen. 5; Boppe P.* Les espagnols a la Grande-Armée. Paris. 1986. P. 146–147; *Berthezène P.* Souvenirs militaires de la Republique et de l'Empire. Paris. 1855. T. 2. P. 44).

^x Лоншан написал рапорт Компану: «Мой генерал, имею честь донести вам, что после вашего приказа, переданного вашим начальником штаба, взять силой левый

фланг редута, я тотчас построил колонну, двинулся, чтобы напасть с тыла на редут. 111-й полк атаковал неприятеля штыками в почки (*les reins*) с беспримерной стремительностью и храбростью. Русская колонна, которая находилась на нашем пути, была сбита и, должно быть, много потерпела от нашего ружейного огня. Неприятель в беспорядке бросился в лес и был осыпан полком градом пуль и картечи. Полк имел в этом деле 600 раненых, среди которых, к сожалению, 20 офицеров, и 157 убитых; считая среди них около 60 стрелков, которые слишком выдвинулись вперед и были изрублены неприятельской кавалерией, которая в свою очередь намеревалась атаковать полк, который принял ее весьма оживленным огнем, многие *русские кирасиры* пали перед рядами. По роковой случайности офицер артиллерии, который не имел приказа следовать за полком, пошел за ним влево и, видимо не заметя, свалился в овраг, не смог следовать за полком, потерял пушки без ведома полка. Поистине, никогда солдат не вел себя лучше, чем в этом случае. Вы должны были заметить рвение, с которым он атаковал противника, немало способствуя взятию редута. Рекомендую вам храбрецов, которые отличились. Прежде всего, полковник Жюйе, который проявил величайшее хладнокровие в бою и при движениях, которые произвел полк. Я прошу офицерского креста равным образом для г. майора Монтильо, гг. шефы батальона Ришри, Бастиани и Теллье очень хорошо показали себя. Я прошу звания майора для первого и награждения [орденом] Почетного легиона для двух последних. Я должен назвать вам старших адъютантов Ристона, Гардые. Я прошу для этих двух офицеров звания капитана и награждения для первого. Адъютанты Новарьо и Окселла очень хорошо проявили себя. Я прошу звания су-лейтенантов. Присоединяю к моему рапорту имена унтер-офицеров и солдат, которые отличились.

Имею честь, мой генерал...

Лоншан, бригадный генерал

Я должен порекомендовать вам г. Баллона, моего адъютанта, который воссоединил стрелков. Он проявил невозмутимое хладнокровие» (*Ternaux-Comrans. 354–355*).

^{xi} «6-го, – пишет Фоссен, – мы оставались стоять на той же позиции напротив неприятеля; подразделения различных родов войск и национальностей, французы, итальянцы, неаполитанцы, саксонцы, вестфальцы, поляки, дармштадтцы проходили мимо нас и занимали свои позиции. Противник занимал ряд холмов, на которых были выставлены более чем 100 орудий напротив нашего центра. Еще в ночь с 6-го на 7-е с нашей стороны был сооружен из фашинов и корзин с песком ряд батарей, позади которых также было выставлено более чем 100 орудий напротив неприятеля; большей частью это были орудия гвардейской артиллерии» (*Vossen. 5*).

^{xii} «7-го утром на рассвете по всей линии забили утреннюю зарю, – вспоминал Фоссен, – показался утренний румянец, по всем корпусам зачитали прокламацию... Едва прокламация была зачитана, как неприятельские ядра стали разрываться в наших рядах. Наши отвечали тем же, и тут начался наш жаркий день. Слышались от 20 до 30 орудий, стрелявшие за один раз, и при этом ужасный гул приближающейся кавалерии и артиллерии. Густой дым вскоре сделал для нас невидимым поле сражения» (*Vossen. 6*).

^{xiii} Этот рассказ в целом совпадает с тем, что сказано в лаконичном рапорте полковника: «7-го полк последовал за движениями войск, назначенных атаковать

редуты. 1-й батальон вступил в первый редут с 57-м полком. 2-й и 3-й батальоны были отосланы, чтобы прикрыть поддерживающую артиллерию и отразили одну атаку неприятельской кавалерии с наибольшим успехом и в течение всего этого дня полк находился под огнем неприятеля, он отразил несколько раз его стрелков, которые тревожили наш правый фланг.

Полковник полка Жюйе.

Заверено нами, бригадный генерал, барон империи, командир 111-го полка. В поле, 1 октября 1812 г.

Генерал Лоншан» (*Ternaux-Comrans*. 359).

На основании этого рапорта был ошибочно сделан вывод, будто 4-й и 6-й батальоны были расформированы из-за больших потерь (*Васильев А.А., Попов А.И. La Grande Armée. Состав армии при Бородино. М., 2002. С. 14*).

^{xiv} «Около 9 часов утра, – вспоминал Фоссен, – дивизия Компана, сильно теснимая неприятелем, бросилась в лес для боя в рассыпном порядке. Вскоре здесь развернулся ружейный огонь с обеих сторон, неприятель выдвинул вблизи от леса пушки и гаубицы, и гранаты из них разрывались теперь в линии наших стрелков. Генералы и штаб-офицеры появились позади фронта, от них слышались только призывы: “Смелее, друзья! Солдаты, вперед”. Солдаты проявили значительную храбрость и отвагу, мы победили, но это дорого нам обошлось. 300 человек наряду со многими офицерами остались убитыми в лесу. Я получил две пули: одна попала в мой патронташ, вторая прошла через мой кивер. Мне пришлось оплакать моего лучшего товарища, старшего сержанта Вергелла... Лейтенант Дечорери (*Detschorery*) был ранен пулей в правую руку» (*Vossen*. 6–7).

^{xv} «Около 11 часов, – пишет Фоссен, – мы достигли наконец конца леса, так что на нашем левом фланге стало видимым большое поле боя, многие холмы были заняты нашими, орудия захвачены, но все же неприятельская кавалерия атаковала, прорывала наши линии, захватывала орудия, брала пленных; нашей кавалерии пришлось даже податься назад, огонь из орудий был так силен, что более не было слышно ни одной команды» (*Vossen*. 7).

^{xvi} «В течение некоторого времени, – пишет Фоссен, – победа была сомнительной, когда неожиданно рядом с нашим левым флангом проскакала дивизия кирасир, генерал во главе их громко крикнул: “Кирасиры, вперед! Сабли вон, атакуйте неприятеля!”» (*Vossen*. 7).

^{xvii} «Было 3 часа пополудни, – вспоминал Фоссен, – когда мы вдруг услышали на нашем правом фланге ужасную канонаду вместе с ружейными выстрелами. Это была дивизия поляков, которая грозила обойти неприятельскую позицию, момент был решающий; около 4 часов дивизия Компана двинулась вперед ускоренным шагом (*im Sturm Schritt*), вскоре взяла штыками все позиции, которые противник еще занимал, и в 5 часов мы овладели всей равниной; впрочем, наши вольтижеры до поздней ночи были заняты преследованием противника» (*Vossen*. 7–8).

^{xviii} Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 147–149, 168–169, 213, 222–223.

^{xix} *Земцов В.Н.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатиринбург. 2001. С. 352.

^{xx} *Langlois C.J.* Panorama de la bataille de la Moscowa. Paris. S.a. P. 6–7; Французы в России. Ч. I. М., 1912. С. 131.

^{xxi} Французы в России. Ч. I. М., 1912. С. 151–152.

^{xxii} Одни историки называют его Жан Брео де Марло (Breaut de Marlos), а А. Шюке – Клод Орио (Oriot) (*Chuquet A. Lettres de 1812. Paris. 1911. P. 152, 155; Hourtoule. 104; Земцов. 349–350, 532. Прим. 488*).

^{xxiii} 1812. Lettre d'un capitaine de cuirassiers sur la campagne de Russie. Paris. 1885. P. 16–17.

^{xxiv} Tagebuch des Lieutenants Anton Vossen, vornehmlich über den Krieg in Russland 1812. Marburg. 1892. S. 7.

^{xxv} *Hourtoule F.G. Borodino–La Moskowa. La bataille des redoutes. Paris. 2000. P. 102–104.*

^{xxvi} *Martin J.B. Lettres // Combats et captivité en Russie. Mémoires et lettres de soldats français. Paris. 1999. P. 87.*

^{xxvii} ВУА. Т. XVIII. С. 24; *Капитонов А. Одна война – четыре кампании // Родина. 2002. № 8. С. 70.*

^{xxviii} Воспоминания генерала Ж.М. Пернети о Бородинском сражении // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Труды ГИМа. Вып. 132. М., 2002. С. 225–227.

^{xxix} Langlois. 9–10; *Chuquet A. La Guerre de Russie. Ser. II. Paris. 1912. P. 69.*

^{xxx} Э. Лопес пишет, что «ранним утром два батальона полка Жозеф Наполеон прикрывали батареи генерала Балтю, которые обстреливали крайний левый фланг первой неприятельской линии» (*Ворре. 147*).